

СИБИРЬ КАК МЕГАРЕГИОН

УДК 339.92. 304.2. 351.86

СИБИРЬ КАК МЕГАРЕГИОН: КОНЦЕПЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ*

В.И. Супрун

Фонд социо-прогностических исследований «Тренды»,
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской
академии наук,
Новосибирск

trend@acts.ru

В предлагаемой работе рассматривается относительно новая в современном аналитическом дискурсе – экономическом, социокультурном и геополитическом – концепция мегарегиона, где мегарегион понимается как некое сочетание регионов, близких друг другу как территориально, так и исторически, т. е. во времени и пространстве. Рассматриваются несколько концепций мегарегиона, соотносимых как с геополитикой, мегаурбанизмом, так и с социокультурной диверсификацией, консолидируемых именно во «фрейме» мегарегиона. Исследование коррелируется прежде всего с конкретным гигантским в пространственном и ресурсном отношении, мегарегионом Сибирь, который по мировой классификации простирается от Уральских гор до Тихого океана. Концептуальный анализ любого мегарегиона предлагается проводить во временной (исторической) и пространственной (географической) плоскостях и по трем осям – экономической, социокультурной и геополитической. Бесспорно, большой интерес представляет исследование организационных, управленческих и законодательных институтов в контексте мегарегиона, но это предмет следующей статьи.

Ключевые слова: мегарегион, Сибирь, пространство, время, экономика, культура, геополитика.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-124-134

Концептуальные представления о точках или векторах корреляции рядом расположенных регионов не являются принципиально новыми и необычными, хотя и ограничивались пределами того или иного государства. Теперешние же интерпретации этой корреляции возникли совсем недавно и требуют дальнейшей разработки. При этом следует изначально сказать,

что вводимое понятие «мегарегион» отличается от широко используемого в российской экономической литературе понятия «макрорегион», которое прежде всего носит экономический характер и подразумевает рассмотрение именно экономических интегративных связей между регионами, находящимися в непосредственной географической близости. Однако

* Статья написана в рамках гранта РГНФ, проект № 15-07-00034 «Сибирь как мегарегион в полицентричном мире: экономические и геополитические параметры».

при макрорегиональном подходе в недостаточной степени учитываются цивилизационные, пространственно-временные, культурные и геополитические связи, которые стали играть всё большую роль при рассмотрении динамики развития конгломерата регионов, которые могут относиться как к одной стране, так и к разным странам. Очевидно, что в этой корреляции помимо экономических связей или подобию присутствует культурная и геополитическая общность или зависимость. Надо сказать, что понятие «мегарегион» ввел в научный и публичный дискурс японский экономист и политолог К. Омаэ, который в большой степени вдохновлялся идеями М. Маклюэна, Г. Кана, О. Тоффлера, попытался определить новые подходы к объяснению тех феноменов, которые кардинально меняют интерпретационную картину мира [27, 28]. В то же время показательно, что помимо понятий «макрорегион» и «мегарегион» достаточно часто стали использоваться понятия «микрорегион» и «локальный регион». Так К. Омаэ высказывает весьма популярную в политэкономических кругах идею о трансфере власти от традиционных государственных структур к экономическим блокам или наднациональным регионам. «Локальные регионы становятся наиболее эффективны тогда, когда действуют в унисон с масштабными супранациональными регионами... Мировая экономика сегодня представляет собой одновременный сдвиг власти от традиционных национальных правительств “вниз по лестнице” к регионам-государствам, и вверх к наднациональным экономическим блокам» [27, с. 136–139].

Очевидно, что разнообразные роли регионов в современном мире, достаточно подвижны и гибки, что говорит как о

вариабельности объекта, так и о недостаточности аналитического обоснования. Это порождает шанс для инновационных исследований и возможность создания достоверной концептуальной разработки.

Интересно, что понятие «мегарегион» в современной литературе так же трактуется как область или сфера урбанистической трансформации в результате глобализации. Рост мегаурбанистических регионов представляет собой вызов традиционному правительству и «устоявшемуся» законодательству, социоуправленческим структурам, т. е. мегарегионы в такой интерпретации понимаются прежде всего как расширение мегаполисов и прилегающих к ним территорий, создающих протяженный пояс урбанизации, сравнимый с регионом, но более «продвинутый» и обладающий урбанистической культурой, образом жизни, развитым промышленным или высокотехнологическим производством.

Таким образом, если в случае с К. Омаэ акцент делается на экономическом факторе и структурных изменениях в триаде «государство(страна)–мегарегион–экономические союзы», то в варианте с Дж. Харрисом, М. Хойлером [22] и Р. Флоридой [20] внимание прежде всего уделяется появлению современных урбанизированных мегаструктур, обладающих большим экономическим, культурным и политическим потенциалом и требующих децентрализации. Этот концептуальный подход органично связан с появлением и распространением новой «мегакультуры» и нового креативного класса. Недаром одним из творцов этого понимания феномена мегарегиона является Р. Флорида, автор нашумевшего бестселлера «Возвышение креативного класса» [21].

Помимо экономической и урбанистической трактовки понятия «мегарегiona» в последнее время явно набирают силу и другие методологические подходы, а именно геополитический, который явно переживает ренессанс, и культурно-ценностный, который, получив импульс от динамично меняющейся социополитической ситуации, заново ставит вопрос и о «конфликте цивилизаций», и о роли мегарегионов. В то же время географический детерминизм также не всегда встречает поддержку. Так, во влиятельной книге «Почему нации терпят неудачу» ее авторы Д. Асемоглу и Дж. А. Робинсон прямо указывают, что «неравенство в мире не может быть объяснено климатом или болезнями, или любой другой версией географической гипотезы... Кто-то может доказывать, что любой устойчивый паттерн, такой как иерархия доходов внутри американского континента или острые и далеко идущие различия между Европой и Ближним Востоком, могут быть объяснены неизменной географией. Но это не так» [17, с. 54–55].

Авторы этого внушительного тома, по существу, связывают успешность той или иной страны с институциональным развитием, готовностью к переменам и главенством закона, приводя многочисленные примеры. С нашей точки зрения, вполне возможно соотнести их подход с концепцией мегарегиона, который не может существовать вне организационной структуры.

В то же время не менее доказательны и суждения известного американского политолога Р. Каплана, который ярко и убедительно проводит геополитический анализ исторического развития разных стран и мегарегионов, при этом связывает геополитическую динамику с состоянием цивилизационного сознания в связи с дискон-

тинуальностью истории, но устоявшимися центрами стабильности того или иного мегарегиона. В то же время он не верит в некий универсальный путь развития и исчезновения, диверсификации регионов под воздействием глобализации. Он пишет: «Неожиданно мы очутились в мире, где разрушение созданной человеком границы, разделяющей на две части Германию, породило мнение, что всё, что разделяет людей, можно преодолеть. Что демократия покорит и Африку, и Ближний Восток, как это произошло в Восточной Европе. Что “глобализация”, слово, которое совсем скоро стало доноситься отовсюду, – новый вектор в истории человечества и система международной безопасности, а не то, чем она являлась на самом деле: всего лишь очередной экономической и культурной стадией развития цивилизации» [3, с. 23].

Итак, в какой степени идея геополитического детерминизма имеет отношение к становлению концепции мегарегиона? С нашей точки зрения, весьма непосредственное, так как полагает значимость пространства и времени (исторического), которые позволяют связать эти два онтологических состояния. Мегарегион должен иметь как пространство для развития, так и место для концентрации усилий. Естественным образом природные факторы: реки как средство коммуникации, богатые пушниной таежные леса и главное сырье – золото, уголь, позже нефть и газ, стали факторами интенсивного развития мегарегиона Сибирь. Естественным образом с пространственной характеристикой развития мегарегионов, например Сибири, связаны и миграционная динамика, и демографические характеристики, которые определяются, помимо собственно

пространственного параметра, культурными ценностями и предпочтениями, к которым можно отнести и стремление к риску, предприимчивость, самоутверждение и самоидентификацию посредством освоения новых пространств и столкновения с разными состояниями времени – с долгими ночами или бесконечными днями и т. д. [4, 10]. Эти восприятия пространства и времени отличаются от тех, которые существуют в европейской части России и откуда пришли эти «пионеры» на огромную территорию за Уралом. С этим тезисом о своеобразном восприятии мира сибиряками, наверное, согласились бы и некоторые западные исследователи России, так называемые «русисты». Так, П. Лонгорт указывал на стойкость, жесткость и общинность сибиряков как результат столкновения с суровостью климата, огромными расстояниями и необходимостью напряженного труда в короткие летние месяцы [25]. При этом интересно, что геополитическая сила России западными исследователями сопрягается именно с Сибирью, а не с европейской да уральской частью России. Так Брюс Линкольн в своей известной книге «Покорение континента: Сибирь и русские» пишет: «...завоевания, которые определили ее (России) могущество, произошли в Азии, а не в Европе» [26, с. 785]. Вопрос, было ли это завоевание, захват, колонизация или же освоение очень редко населенных земель, является дискуссионным и часто определяется идеологической позицией автора или же его культурной принадлежностью. Так, например, как рассматривать освоение Дикого Запада: как захват, колонизацию или же как завоевание? И что происходило в таком мегарегионе, как Канада с ее индейцами и иннуитами?

В любом случае геополитический анализ должен дополняться культурно-ценностной характеристикой, пониманием образа жизни жителей и основателей мегарегионов, а также интенциональностью и интерпретацией динамики мегарегиона со стороны исследователей. Например, известный норвежский путешественник и предприниматель первой половины XX в., который положил много сил, времени и средств в становление своей транспортно-торговой компании в Сибири, Йонас Лид, пишет не о своих потерях, а о своей идентификации с Сибирью, о своих переживаниях и интенциях, о своем эмоциональном отношении к этому бесспорно близкому ему региону: «Возбуждение, которое вызывает Сибирь, – это странная ностальгия по дому, который таковым для меня не является» [6, с. 105]. И далее он пишет: «Я проявил бы неблагоразумность, если бы не сказал, что держусь высокого мнения о русских. Эта страна не для слабых, а для сильных людей... мне пришлось там жить» [Там же, с. 291].

Откуда проистекала эта сила, мужество и стойкость? Явно из русской культуры и конкретного социокультурного контекста, в котором существовали эти «пионеры», проводники российской и европейской экспансии к новым рубежам в стремлении достичь великого Океана.

В подавляющем большинстве экономических, политических и культурологических исследований, которые доминировали до последнего времени, выступает как само по себе разумеющееся, концепция базисного тренда – «глобализация».

Тем не менее само понятие «глобализация», сам смысл и перспективы этого процесса оказываются не только предметом дискуссии в аналитическом дискур-

се, но и подвергаются сомнению его позитивные черты в экономике и культуре в самом публичном пространстве. Так, например, в период Новой индустриальной революции начиная с 2012 г. правительство США выбрало стратегию на увеличение промышленного потенциала и роста занятости в сфере индустриального производства с 11 % в 2013 г. до 25 % к середине 2020-х гг., что должно привести к сокращению аутсорсинга одного из важнейших компонентов глобализации. Вызывают сомнения и унификационные процессы в организации социоэкономической деятельности в рамках одного из квазимегарегионов – Европы, со стороны самих членов Евросоюза. Не радуют и интеграционные процессы в области культуры, идущие по американской модели Голливуда.

Естественно, что «глобализация» носит идеологический характер, отражает стремление США оставаться паттерном и лидером в цивилизационном процессе и быть одновременно «исключительной страной» («the exceptional country»), например, по мнению президента США Б. Обамы. В контексте идеологической интерпретации глобализация трактуется как установление международного гражданского общества, участники которого сходным образом трактуют проблемы мира и демократии, где не только страны, но и мегарегионы приобретают гомогенный характер.

Другая, весьма значительная, часть общества и экспертного содружества воспринимает глобалистический тренд весьма негативно, как угрозу американской экономической, политической и культурной гегемонии, как некоторый «гомогенизированный мир, напоминающий разросшийся метастазами Диснейленд, который один французский правительственный чинов-

ник “очаровательно” назвал “культурным Чернобылем”» [19, с. 2].

Естественно, что мегарегионы в период реальной или мнимой глобализации начинают играть все большую роль, соотносясь, с одной стороны, с государствами и странами, а с другой – с транснациональными союзами и сообществами. Мегарегионы объединяются благодаря некоторому совместному или подобному опыту взаимодействия во времени и пространстве при ответе на “вызовы” – серьезные проблемы, коммуницируя друг с другом в контексте не только экономического, но и культурного развития. Поэтому мегарегионы становятся оппонентами глобализации и фундаментом построения многополярного мира, находясь при этом вне конфронтационного поля со странами и государствами. Естественно, что под культурой в вышеприведенном тексте понимаются убеждения, ценности и стиль жизни обыкновенных людей в их повседневном существовании. Это довольно-таки традиционное понимание.

Одно из направлений, как было отмечено выше, утверждает приоритет культурных ценностей в формировании континуума в развитии страны и государства; в определяющем, детерминирующем воздействии на экономическое устройство и экономические процессы не только в той или иной стране, но и в мегарегионе, так как одной из скреп мегарегиона бесспорно должен рассматриваться тип восприятия мира, т. е. пространства и времени как в их социоконтекстуальных, так и в исторических рамках [1]. Как пишет Лэндес Д., «если мы черпаем что-либо из истории экономического развития, именно культура является главным фактором в этом развитии... В то же время культура с точки

зрения стержневых ценностей и отношений, которые ведут народы, пугает ученых, так как эта концепция имеет “серный” запах расы и некой культурной атмосферы иммунной непогрешимости» [18, с. 2]

Конечно, в случае «культурного» подхода нужно принимать во внимание сложный характер этого блэнда, состоящего из цивилизационной культуры, культурного контекста конкретной страны и культуры мегарегиона. По нашему пониманию, такой подход должен стать одной из осей анализа динамики мегарегиона.

Итак, с нашей точки зрения, мегарегион – это определенное сочетание близких по территории регионов, обладающих значительной степенью общности в экономическом, культурном и социальном отношении, при этом играющих стратегически важную роль в геополитических перспективах государства и страны. Мегарегион следует воспринимать, рассматривать или прогнозировать в пространственно-географической плоскости и по исторически-цивилизационной вертикали. Такого рода анализ будет недостаточен, если не применить принцип основных осей, по которым и должен строиться анализ, прежде всего культурно-социальная ось, затем экономическая и политико-организационная оси, ни в коем случае без внимания не должна оставаться имиджевая составляющая мегарегиона.

Мегарегион – новая концепция, запущенная из «исследовательской пращи» в покрытые мхом стены различных интерпретационных парадигм.

Концепция мегарегиона позволяет преодолеть границы отдельных государств и выстроить виртуальную модель, не претендующую ни на политическую, ни на экономическую независимость, но играющую

важную роль не только в аналитическом и интерпретационном плане, но и в реальной геополитике, т. е. вполне реально и материально.

Еще раз подчеркнем, что мегарегион имеет не только внешние, но и внутренние характеристики. Так, запад США может рассматриваться как отдельный мегарегион, осевой штат которого – Калифорния с центром в Лос-Анджелесе. Подобным образом можно рассматривать и Китай, который можно разделить на северный, центральный и южный. Конечно, юг Китая с центром в Шанхае – это не север, где кстати, столицу трудно определить. В то же время Канаду, обладающую большой территорией, хотя и низкой временной вертикалью, в качестве государства навряд ли можно рассматривать как единый мегарегион. Это, скорее, три мегарегиона – ведь юг Канады состоит из англоязычного населения (провинция Онтарио со столицей в Торонто) и франкоязычного населения (провинция Квебек со столицей в Монреале). Обе эти провинции, хотя и находятся рядом, не образуют мегарегион, так как слишком различны их культурные и политические устремления, восприятия пространства и исторического времени. Если англо-саксы устремлены к экспансии и экономическому развитию, то франкоязычные – к оседлости и собственным культурным ценностям.

Итак, концептуальные представления о мегарегионе должны исходить из того, что это не макрорегион, т. е. эти понятия отличаются не только социоэкономическими характеристиками. Еще раз подчеркнем, что мегарегион относится к совокупности регионов как внутри страны, так и к кластеру подобных регионов вне одной страны, поэтому можно говорить,

например, об Арктическом мегарегионе или Юго-Азиатском мегарегионе. В то же время эта концепция претендует на единственно возможную; вполне приемлемо говорить и о макрорегионе, и об агломерациях, и о различного рода союзах. Это разного типа подходы и интерпретации. Итак, в чем преимущество концепции мегарегиона?

Во-первых, она подразумевает корреляцию и тесное взаимодействие нескольких регионов, принципиально важных для развития как отдельной конкретной страны, так и для континента или даже мира.

Во-вторых, мегарегион подразумевает целостность и интегративность, которая сформировалась в данном пространстве в течение весьма длительного исторического времени, хотя эта интегративность и может выявиться только в конкретном временном контексте.

В-третьих, мегарегион имеет, хотя и не в каждом случае, геополитическое значение. Так, например, Сибирь, «соотносясь» с Арктикой, а также с Китаем, Юго-Восточной Азией и среднеазиатскими республиками по пространственному параметру, также обладает огромными сырьевыми ресурсами и, следовательно, представляет интерес как в геополитическом, так и в экономическом отношении не только для России, но и для других государств. Некоторые аналитики и политические деятели склонны рассматривать Сибирь как «ничью землю» или «проклятую землю», которую нужно осваивать вахтовым методом [23, 24]. Но что тогда делать с почти 30 млн жителей Сибири и с перспективами России как великого, а не периферийного государства?

В-четвертых, пространственные параметры мегарегиона влияют и на мировосприя-

тие людей – жителей Сибири, которые более склонны к предприимчивости, освоению новых пространств и достижению новых горизонтов. Культурные ценности мегарегионов разнятся и представляют большой интерес для сравнения. Так, восприятие жестко урбанизированных мегарегионов, например среднерусского с доминирующим федеральным и мегарегиональным центром в Москве, будет явно другим, нежели в Сибири. Ценности мегарегиона, образ жизни и устремления его жителей должны носить более или менее идентичный характер, иначе такой мегарегион обречен на дезинтеграцию и превращение в набор административных или хозяйственных единиц.

В-пятых, динамика мегарегиона определяется уровнем его экономического развития и реальностью, которую он собирается сохранить, или перспективой, которую он хочет достичь: а) сырьевая и аграрная стадия; б) индустриальная (промышленная) фаза; в) постиндустриальная (услуги, требующие высокого уровня современных знаний и образования) система; г) хайтековская экономика (инновации и их внедрение в высокотехнологичное производство). Экономические интеграционные связи внутри мегарегиона, бесспорно, важны, так как позволяют по-максимальному использовать конкурентные преимущества по принципу взаимодополняемости регионов и снизить конфликтность между регионами в их претензиях на благоприятное отношение федерального центра [2, 7, 9, 13, 15, 16].

В-шестых, перспективы мегарегиона зависят и от демографических факторов, хотя они и не являются определяющими [8]. Как, например, в случае с Канадой, если рассматривать ее все-таки как мегарегион, где проживает всего 35 млн че-

ловек, что не помешало ей занять одно из ведущих положений в «развитом» мире. В то же время для огромной Сибири с ее весьма рассеянным населением демографический фактор становится одним из наиболее значимых в связи с оттоком квалифицированных специалистов и русскоязычного населения и приходом мигрантов из других конкурентных мегарегионов.

Восприятие мира сквозь призму мегарегиона позволяет избавиться от застойного провинциализма и излишней локализации, дает возможность выработать глобальное восприятие мира и сформировать стратегическое мышление, что принципиально важно для огромного и перспективного мегарегиона.

Чтобы реализовать свой потенциал, мегарегион должен достичь культурно-ценностной самоидентификации на основе разделяемого большинством его жителей восприятия пространства и времени, как геополитической и исторической сущности. При этом земля, где они живут, это не просто территория, а Родина, где жили их предки и будут жить их дети. Коммуникация осуществляется на основе разделяемого понимания этого огромного социоэкономического пространства, тождественного переживания событий и схожести реагирования на возникающие вызовы [14]. Еще раз подчеркнем, что коммуникация на основе общности языка, обычаев и традиций не исключает наличия, например, у малых народов Севера собственного языка, обычаев и традиций, которые обеспечивают культурную и региональную идентичность и в то же время диверсификацию в мегарегионе. Важно, чтобы присутствовала сопричастность к происходящему в самом мегарегионе, к его прошлому и настоящему. Разновекторные движения мегарегиона

по региональному признаку без формирования стержня его развития и постановки разделяемых большинством его жителей стратегических целей могут принести неудачу. Сибирь следует рассматривать как совокупность регионов, образующих мегарегион и охватывающих огромное пространство: «Сибирь – это огромный регион, который, по существу, занимает всю северную Азию. Сибирь простирается от Уральских гор на западе до Тихого океана на востоке и от Северного Ледовитого океана на севере до холмов Северного Казахстана и границ с Монголией и Китаем» [29].

Сибирь приобретает значимость как мегарегион в политической, экономической и общекультурной истории России только с XVI века. Тогда же постепенно это огромное пространство начинает играть и геополитическую роль для всей страны.

Итак, в силу вышесказанного Сибирь может рассматриваться как мегарегион, обладающий:

- огромным экономическим потенциалом, особенно в сырьевой отрасли. Так, на добычу полезных ископаемых в ВВП на мегарегион приходится 51,19 %, а доля добычи газа – 92,95 %, угля – 94,42 %, нефти – 72,50 % [12];

- своеобразной культурой, типом восприятия, который определяется бескрайними просторами, суровым климатом, непроеходимой тайгой и могучими реками. Стойкость, достоинство, предприимчивость, стремление к свободе – вот далеко не все ценности, которые формируют ценностное ядро культуры мегарегиона. При этом следует иметь в виду, что и количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки, также играют заметную роль (особенно в Новосибирске, Томске и Красноярске);

• важнейшим геополитическим значением, которым Сибирь обладает, занимая положение в сопредельных территориях с Арктикой, Китаем, США и Средней Азией. Это уникальное положение требует не только констатации факта, но понастоящему глубокой аналитики и воли к свершениям.

Сибирь должна быть не только сырьевым придатком, но и местом, откуда, как в старину, отправятся первопроходцы в поисках нового. Нужно вспомнить прошлое, чтобы изобрести будущее.

Литература

1. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Ю.В. Попова. – Новосибирск: Нонпарель, 2010.
2. Инновационное развитие Сибири: теория, методы, эксперименты / отв. ред. В.И. Сулов. – Новосибирск: Нонпарель, 2011.
3. *Катлан Р.* Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. М. Котова. – М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2015. – 383 с.
4. *Кенан Дж.* Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885–1886 гг.). В 2 т. Т. 1 / пер. с англ. И.А. Богданова. – СПб.: БЛИЦ, 1999.
5. *Кенан Дж.* Сибирь и ссылка: путевые заметки (1885–1886 гг.). В 2 т. Т. 2 / пер. с англ. И.А. Богданова. – СПб.: БЛИЦ, 1999.
6. *Лид П.* Сибирь – странная ностальгия. – М.: Весь мир, 2009.
7. Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов / А.В. Усс и др. – М.: ИНФРА-М; Красноярск: СФУ, 2014.
8. Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай–Казахстан, XIX–XX вв.): сборник статей / под ред. В.Н. Владимировой, И.Г. Силиной. – Барнаул: Изда-во Алт. ун-та, 2007.
9. Сибирь в первые десятилетия XXI века / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изда-во ИЭОПП СО РАН, 2008.
10. Сибирь в составе Российской империи / И.А. Дамешек и др.; отв. ред.: Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007.
11. Сибирь: история и современность: правовые, экономические и исторические аспекты развития / под ред. С.В. Кущенко, Г.П. Литвинцевой. – Новосибирск: Изда-во НГТУ, 2008.
12. Социально-экономическое положение субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: веб-сайт. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sep_region.html (дата обращения: 09.02.2016).
13. Судьба континента Сибирь: проблемы развития: экспертный дискурс / под ред. В.С. Ефимова. – М.: ИНФРА-М, 2014.
14. *Ус А.В.* Наш край – моя Родина. – Красноярск: Платина, 2001.
15. Формирование благоприятной среды для проживания в Сибири / под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010.
16. Экономика Сибири в начале века: методология и методика стратегических разработок / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изда-во ИЭОПП СО РАН, 2007.
17. *Acemoglu D., Robinson J.A.* Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. – New York: Crown Publ., 2012.
18. Culture matters: how values shape human progress / ed. by L.E. Harrison, S.O. Huntington. – New York: Basic Books, 2000.
19. Many globalizations: cultural diversity in the contemporary world / ed. by P.L. Berger, S.P. Huntington. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.
20. *Florida R.* The rise of the mega-region // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2008. – Vol. 1, iss. 3. – P. 459–476.
21. *Florida R.* The rise of the creative class. – New York: Basic Books, 2002.
22. *Harrison J., Hoyer M.* Megaregions: globalization's new urban form. – London: Edward Elgar, 2015.
23. *Hill F., Gaddy C.* The Siberian curse: how communist planners left Russia out in the cold. – Washington: Brookings Institution Press, 2003.

24. *Khotin L.* A Siberian curse // *Problems of Economic Transition*. – 2007. – Vol. 49, iss. 9. – P. 35–50.
25. *Longworth P.* Russia: the once and future empire from pre-history to Putin. – New York: St. Martin's Press, 2005.
26. *Lincoln B.* The conquest of the continent: Siberia and Russians. – New York: Cornell University Press, 2005.
27. *Obmae K.* The invisible continent. – New York: Harper Business, 2000.
28. *Obmae K.* The next global stage. – New Jersey: Warton School, 2005.
29. Siberia [Electronic resource] // *Encyclopedia Britannica: website*. – URL: <http://global.britannica.com/place/Siberia> (accessed 09.02.2016).

SIBERIA AS THE MEGAREGION: CONCEPT AND REALITY

V.I. Suprun

Fund for Socio-Prognostic Research "Trends",
Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk

trend@acts.ru

In the proposed article a comparatively novel concept of megaregion has been offered in modern analytical discourse, i.e. by economic, socio-cultural and geopolitical dimensions. The megaregion has been interpreted as the combination or constellation of the regions, close to each other by territory and history, i.e. Space and Time. Different concepts of the megaregion have been observed, i.e. a) geographical and geopolitical determination b) megaurban actual trends c) socio-cultural diversification, consolidated in the “frame” of the megaregion. First of all, and mostly, the work is correlated with the exact enormous by its space and resources the megaregion Siberia, which, according to the world classification spreads from the Urals up to the Pacific Ocean. Conceptual analysis of any megaregion suggests it to be carried put by the temporal (historical) and special (geographical) squares and along three axes – economic, socio-cultural and geopolitical ones. Without doubt, it's important to investigate organizational, governing and legal institutions in the context of the megaregion, but this ought to be the subject of the next article.

Keywords: megaregion, Siberia, space, time, economics, culture, geopolitics.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-124-134

References

1. Popkov Yu.V., ed. *Evrasijskii mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiya* [The eurasian world: values, constants, self-organization]. Novosibirsk, Nonparel Publ., 2010. (In Russian)
2. Suslov V.I. *Innovatsionnoe razvitiye Sibiri: teoriya, metody, eksperimenty* [Innovative development of Siberia: theory, methods, experiments]. Novosibirsk, Nonparel Publ., 2011. (In Russian)
3. Kaplan R.D. *The revenge of geography: what the map tells us about coming conflicts and the battle against*
4. Kennan G. *Siberia and the Exile System*. Vol. 1. London, J.R. Osgood, McIlvaine, 1891 (Russ. ed.: Kennan Dzh. *Sibir' i ssylka: putevye zametki (1885–1886 gg.)*. V 2 t. T. 1. Translated from English I.A. Bogdanov. St. Petersburg, BLIT's Publ., 1999).

5. Kennan G. *Siberia and the Exile System*. Vol. 2. London, J.R. Osgood, McIlvaine, 1891 (Russ. ed.: Kennan Dzh. *Sibir' i sylka: putevye zametki (1885–1886 gg.)*. V 2 t. T. 2. Translated from English I.A. Bogdanov. St. Petersburg, BLITs Publ., 1999).
6. Lied J. *Over de høye fjelle*. Oslo, E.G. Mortensen, 1961 (Russ. ed.: Lid I. *Sibir' – strannaya nostalgija*. Moscow, Ves' mir Publ., 2009).
7. Uss A.V. et al. *Makroregion Sibir': problemy i perspektivy razvitiya* [Macroregion Siberia: problems and prospects]. Moscow, INFRA-M Publ., Krasnoyarsk, SFU Publ., 2014. (In Russian)
8. Vladimirov V.N., Silina I.G., eds. *Migratsii i postmigratsionnye soobshchestva (Altai–Kazakhstan, XIX–XX vv.)* [Migration and postmigration community (the Altai, Kazakhstan, XIX–XX centuries)]. Barnaul, Altaiskii universitet Publ., 2007. (In Russian)
9. Kuleshov V.V., ed. *Sibir' v pervye desyatiletiya XXI veka* [Siberia in the first decade of the XXI century]. Novosibirsk, IEIE SB RAS Publ., 2008. (In Russian)
10. Dameshek L.M., Remnev A.V., eds. *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii* [Siberia in the Russian empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007.
11. Kushchenko S.V., Litvintseva G.P., eds. *Sibir': istoriya i sovremennost': pravovye, ekonomicheskie i istoricheskie aspekty razvitiya* [Siberia: history and modernity: legal, economic and historical aspects of development]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2008.
12. Socio-economic development of the Russian regions. *Federal State Statistics Service*: website. (In Russian) Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sep_region.html (accessed 09.02.2016)
13. Efimov V.S., ed. *Sud'ba kontinenta Sibir': problemy razvitiya: ekspertnyi diskurs* [The destiny of the continent Siberia: development problems: expert discourse]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. (In Russian)
14. Uss A.V. *Nash kraj – moy Rodina* [Our region is my homeland]. Krasnoyarsk, Platina Publ., 2001. (In Russian)
15. Kuleshov V.V., ed. *Formirovanie blagopriyatnoi sredy dlya prozhibaniya v Sibiri* [The formation of favourable dwelling conditions in Siberia]. Novosibirsk, IEIE SB RAS Publ., 2010. (In Russian)
16. Kuleshov V.V., ed. *Ekonomika Sibiri v nachale veka: metodologiya i metodika strategicheskikh razrabotok* [Economy of Siberia at the beginning of the century: methodology and methods for strategic research]. Novosibirsk, IEIE SB RAS Publ., 2007. (In Russian)
17. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York, Crown Publ., 2012.
18. Harrison L.E., Huntington S.O., eds. *Culture matters: how values shape human progress*. New York, Basic Books, 2000.
19. Berger P.L., Huntington S.O., eds. *Many globalizations: cultural diversity in the contemporary world*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2002.
20. Florida R. The rise of the mega-region. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2008, vol. 1, iss. 3, pp. 459–476.
21. Florida R. *The rise of the creative class*. New York, Basic Books, 2002.
22. Harrison J., Hoyler M. *Megaregions: globalization's new urban form*. London, Edward Elgar, 2015.
23. Hill F., Gaddy C. *The Siberian curse: how communist planners left Russia out in the cold*. Washington, Brookings Institution Press, 2003.
24. Khotin L. A Siberian curse. *Problems of Economic Transition*, 2007, vol. 49, iss. 9, pp. 35–50.
25. Longworth P. *Russia: the once and future empire from pre-history to Putin*. New York, St. Martin's Press, 2005.
26. Lincoln B. *The conquest of the continent: Siberia and Russians*. New York, Cornell University Press, 2005.
27. Ohmae K. *The invisible continent*. New York, Harper Business, 2000.
28. Ohmae K. *The next global stage*. New Jersey, Warton School, 2005.
29. Siberia. *Encyclopedia Britannica*: website. Available at: <http://global.britannica.com/place/Siberia> (accessed 09.02.2016)